

Оригинальная статья / Original paper

А.А. Маленкова

Китайский мир Дальнего Востока СССР 1920–1930-х гг. в очерках, документах и фотографиях из архива Марии Шкапской

Аннотация

Статья предлагает взглянуть на очерк «Вода и ветер» и документы из фонда М. Шкапской Российского архива литературы и искусства как на исторические источники по изучению китайских мигрантов в 1920–1930-х гг. Ранее творчество Шкапской о Дальнем Востоке и китайских мигрантах, ее рукописи и фотографии не исследовались в качестве материала о жизни и быте китайцев в Советском Союзе. Сравнивая содержание цитат очерка с архивными документами данного периода, можно сделать вывод о достоверности взгляда автора на китайский мир Владивостока. Знание основ китайского языка и интерес к китайской культуре позволили Шкапской более глубоко взглянуть на причины пребывания мигрантов в регионе, оценить бытовые условия жизни, обозначить механизмы, регулирующие численность мигрантов, описать изменения, произошедшие в процессе советизации китайской культуры, акцентировать внимание на социальных проблемах мигрантов: азартных играх, наркомании, проституции. Очерк Шкапской призывает уделить больше внимания вопросам интеграции китайских мигрантов в советское общество и борьбе с посредниками при трудоустройстве и в работе, которые являлись одним из самых трудно изменяемых явлений в китайском обществе мигрантов. Религиозная жизнь китайских мигрантов, хоть и не находит отражение в очерке и документах, оставляет след в виде уникальных фотографий в фонде М.М. Шкапской. Описания китайского мира, сделанные Шкапской по материалам ее командировок на Дальний Восток СССР, становятся иллюстрацией исторической хроники пребывания китайцев в регионе.

Ключевые слова

Шкапская, очерк «Вода и ветер», китайские мигранты, Дальний Восток СССР, РГАЛИ

Для цитирования

Маленкова А.А. Китайский мир Дальнего Востока СССР 1920–1930-х гг. в очерках, документах и фотографиях из архива Марии Шкапской // Исторический вестник. 2025. Т.ЛII. С. 98–123. <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.002>

Anastasia A. Malenkova

The Chinese World of the USSR Far East in the 1920–1930s in Essays, Documents and Photographs from the Archive of Maria Shkapskaya

Abstract

The article utilizes research from the essay «Water and Wind» and documents from the M. Shkapskaya collection of the Russian Archive of Literature and Art as historical sources for studying Chinese migrants in the 1920s and 1930s. Previously, Shkapskaya's work about the Far East and Chinese migrants, her manuscripts and photographs had not been studied as material about the life and the everyday life of the Chinese in the Soviet Union. Comparing the content of the materials, and quotations with archival documents of this period, one can conclude that the author's view of the Chinese world of Vladivostok is reliable. Knowledge of the basics of the Chinese language and interest in Chinese culture allowed Shkapskaya to take a deeper look at the reasons for the migrants stay in the region, assess their living conditions, identifying the mechanisms regulating the number of migrants, describing the changes that occurred in the process of Sovietization of Chinese culture, and focused on the social problems of

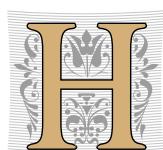
migrants: gambling, drug addiction, prostitution. Shkapskaya's essay calls for more attention to be paid to the issues of integrating Chinese migrants into Soviet society and the fight against intermediaries in employment and work, which were one of the most difficult phenomena to change in the Chinese migrant society. The religious life of Chinese migrants, although not reflected in the essay and documents, leaves a trace in the form of unique photographs in the M.M. Shkapskaya collection. Descriptions of the Chinese world made by Shkapskaya based on the materials of her business trips to the USSR Far East become an illustration of the historical chronicle of the Chinese in the region.

Keywords

Shkapskaya, Essay «Water and Wind», Chinese migrants, USSR Far East, RGALI

For citation

Malenkova Anastasia A. The Chinese world of the USSR Far East in the 1920–1930s in Essays, Documents and Photographs from the Archive of Maria Shkapskaya // The Historical Reporter. 2025. Vol. 52. P. 98–123. <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.002>

а Дальнем Востоке Советского Союза до 1938 г. проживало большое количество китайских мигрантов. Их жизнь довольно детально реконструирована по документам из архивов Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Москвы и Санкт-Петербурга. Эти документы не всегда показывают мир китайских мигрантов ярким: сухая статистика, факты, имена. Записки, произведения и мемуары свидетелей времени — писателей, журналистов, ученых, работавших или проживавших в регионе — становятся уникальными источниками для изучения китайского населения Дальнего Востока СССР. Сравнение документов подобного типа может приоткрыть настоящую картину китайского мира на Дальнем Востоке СССР.

Тема Дальнего Востока была очень притягательна для творческих людей в 1920–1930-е гг., нередко и сами редакции посыпали туда своих корреспондентов, очеркристов и писателей. За этот небольшой период там побывали Василий Каменский, Михаил Пришвин, Вера Кетлинская,

Мария Михайловна Шкапская (1891–1952)

Рюрик Ивнев¹ и др. Мария Михайловна Шкапская, поэтесса и журналистка первой половины XX в., также несколько раз посещала Дальний Восток СССР.

Творчество М. Шкапской вышло из забвения только в конце XX – начале XXI в., ее поэзия и эпистолярное наследие изучаются и публикуются². Очерки же и заметки о Дальнем Востоке Марии Шкапской исследованы недостаточно³ и никогда ранее не рассматривались как исторический источник.

Одним из интересных фактов жизни М. Шкапской является изучение китайского языка во время вынужденной эмиграции во Францию в 1913–

¹ Василий Васильевич Каменский (1884–1961) – русский поэт-футурист, художник, авиатор, был во Владивостоке в 1924 г., напечатал заметку о своем пребывании в китайском театре. Михаил Михайлович Пришибин (1873–1954) в 1931 г. совершил поездку на Дальний Восток, итогом которой стала повесть-поэма «Женьшень». Вера Кетлинская (1906–1976) – советская писательница и сценарист – посетила Владивосток в 1930-х гг., когда писала книгу о строителях Комсомольска-на-Амуре. Рюрик Ивнев (Михаил Александрович Ковалев (1891–1981) – писатель и поэт, посетил Владивосток в 1926 г. и оставил свои воспоминания о визите в китайский квартал города.

² Грекалова Н.Ю. Диалог Марии Шкапской и Бориса Пильняка начала 1920-х годов // Русская литература. 2004. № 4. С. 40–53; Литвинова О.Н. От Маруси Андреевской к Марии Шкапской (Рукописная тетрадь стихотворений 1903–1907 гг.) // Текст и традиция. 2020. Т. 8. С. 137–176. Чечнёв Я.Д. Гражданская война в поэтическом творчестве М.М. Шкапской: развитие темы «бесовства» в контексте имажинистской поэзии // Новый филологический вестник. 2023. № 2 (65). С. 123–133.

³ Ковалевская А.С. Характер пространства в книге очерков Марии Шкапской «Это было на самом деле» // Филологический аспект. 2023. № 7(99). С. 78–85.

1916 гг. В 1913 г. М. Шкапская с мужем были арестованы по делу «витмеровцев»⁴. После двух месяцев заключения их отправляют в ссылку в Олонецкую губернию. Однако благодаря усилиям московского купца и филантропа Н.А. Шахова ссылка была заменена на обучение за границей. Так М. Шкапская оказалась во Франции, где закончила «Faculte des lettres pour les étrangers»⁵ в Тулузе, а затем «прослушала <...> один курс китайского языка в Школе восточных языков в Париже»⁶. Завершить востоковедческое образование М. Шкапская не смогла, в 1916 г. срок высылки истек, и они с мужем вернулись в Россию⁷, но увлечение Китаем и китайцами сохранилось у нее на долгие годы. В начале 1920-х гг. в творчестве Шкапской много следов китайской поэзии⁸ и китайских мотивов и даже переводов.

С 1925 г. Мария Шкапская работала разъездным очеркистом в газете «Правда» и ленинградской «Красной газете»⁹. В 1929 г. она попала на Дальний Восток, объехала все крупные города региона: Владивосток, Хабаровск и Благовещенск. Результатом этой поездки стала книга — очерк о Дальнем Востоке «Вода и ветер», в которой по-новому проявился интерес М.М. Шкапской к китайской тематике. Название очерка отсылает нас не только к стихиям Дальнего Востока, но и к традиционной китайской философии. Вместе с переводчиком она обследовала все «китайские» места Приморья, чтобы увидеть все «своими собственными глазами». Знания основ китайского языка и некоторые представления о китайцах оказали заметное влияние на тематику очерка М. Шкапской. Она подмечала те аспекты жизни мигрантов, которые ускользали от взгляда авторов, которые ничего не знали о Китае и китайцах, не интересовались китайской культурой.

⁴ «Витмеровцы» — члены группы революционно настроенной молодежи, которая собиралась в частной женской гимназии О.К. Витмер на Английском проспекте в СПб. Ученики, попавшие под суд по этому делу (1913 г.), были лишены права поступления в учебные заведения в России. Узнав об этом, московский миллионер Н.А. Шахов отправил им телеграмму следующего содержания: «Если кто-нибудь из учащихся будет исключен, передайте, чтобы не тужили. Дам возможность окончить образование». Меньшикова Л.Ю. Витмер Леонид Борисович // http://www.kmay.ru/sample_pers.php?n=586 (Дата доступа: 08.03.2025).

⁵ Филологический факультет для иностранцев (*франц.*). (Прим. авт.)

⁶ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л.31. Автобиография и библиография произведений Шкапской Марии Михайловны.

⁷ Там же. Л. 34.

⁸ К 1923 г. М. Шкапская подготовила к изданию рассказы в стихах «Ца-ца-ца. [Рассказы в стихах]», где были отсылки к китайской литературе и даже переводы с китайского. См. подробнее: Литвинова О.Н. Китайская Гретхен на русской почве: вопросы генезиса и атрибуции текстов поэтической книги М. Шкапской «Ца-ца-ца» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Vol. 26. № 2. С. 177–187.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 31 об.

Документы и рукописи Марии Михайловны Шкапской¹⁰ еще при ее жизни попали в Российской государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве. В фонде находится довольно большое количество единиц хранения, которые имеют отношение к ее поездкам на Дальний Восток: «Наброски и записки к очеркам о Дальнем Востоке» [1930-е]¹¹, Записные книжки с творческими набросками и записями, сделанными во время поездки на Дальний Восток. 1936¹², рукопись «Сборник очерков “Вода и ветер”. Отрывок»¹³. Также сохранились Докладные записки ответственного секретаря Ленинградского отделения Союза советских писателей и Шкапской Марии Михайловны в Дальневосточный Краевой Комитет ВКП(б), план книги о Дальнем Востоке, протокол совещания и другие документы о создании книги о Дальнем Востоке 1936 г.¹⁴

Тексты М. Шкапской будут сопоставлены с архивным документом о китайцах в Дальневосточном крае, написанным комиссией по исследованию их положения в 1930 г. Данная справка хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде Коммунистической партии Китая¹⁵. Предположительно этот документ лег в основу подготовленного в июле 1930 г. для утверждения Президиумом ВЦИК проекта Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О практическом проведении национальной политики в Дальневосточном крае в отношении китайцев и корейцев»¹⁶. На основе сравнения можно будет сделать выводы о достоверности нарисованной в очерке М. Шкапской картины жизни китайских мигрантов на Дальнем Востоке, показать ценность данного источника, как не просто описания колоритной действительности, но и как исторического материала по этнической политике, китайской бытовой культуре, социальному устройству мигрантов.

На Дальний Восток М. Шкапская ездила как минимум два раза, поэтому в ее архиве также содержатся материалы ко второй книге, написанной во второй половине 1930-х гг.: документы о задумке книги, подготовке

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2182. Мария Михайловна Шкапская (1891–1952) — писательница.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 38–42.

¹² Там же. Ед. хр. 142–154.

¹³ Там же. Ед. хр. 3.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 578.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Ед. хр. 593. Китайцы в Дальневосточном Крае (1930 г.).

¹⁶ Проект от 21.VII.1930. РГИА ДВ. Ф. Р-2441. Оп. 1. Д. 336. Л. 2–10 // Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Ч. II. Гл. 3. Корейская эмиграция и советское строительство на Дальнем Востоке. М., 2004.

командировки, а также рукописи «Человек работает хорошо»¹⁷ и множество других материалов. Среди собранных документов есть любопытная программка — «Либретто китайского театра»¹⁸ 1936 г.; уникальный документ — свидетельство трагичной истории китайского театра в регионе — запечатлев китайский ТРАМ (Театр рабочей молодежи) на переломе от традиционного театра к постановке революционных пьес.

В архиве М. Шкапской находится и пачка фотографий, озаглавленная как «Виды Дальнего Востока и Сахалина, снимки новостроек, населения, красноармейцев и др.»¹⁹ и датированная декабрем 1927–1936 гг. В числе этих фотографий снимки китайского квартала Владивостока — «Миллионки». В основном эти изображения дублируют снимки из отчета ОГПУ, широко известные благодаря книге российских дальневосточных исследователей²⁰, но есть и оригинальные редкие экземпляры фотоснимков религиозных объектов китайских мигрантов.

Основная цель части очерка, посвященной китайским мигрантам — обличить острые социальные проблемы мигрантов и найти пути решения вопросов, связанных с их пребыванием в Советском Союзе. М. Шкапская проникает в самые закрытые места Владивостока: в опиекурильни и морфиниловки, входит даже в покой китайской проститутки, посещает китайские рестораны и театр, осматривает знаменитый Семеновский рынок²¹. Социальная справедливость, убогий китайский быт, эксплуатация, попытки предложить пути выхода из сложных межэтнических столкновений становятся центральными темами очерка. Много М. Шкапская пишет о традициях и особенностях китайской культуры и быта: о важности китайской еды для мигрантов, соблюдения традиций празднования Нового года, о китайских промыслах: сборе женьшеня, ловле трепангов. Автор также уделяет большое внимание проблемам жизни китайцев: существованию института старшинок²² и нелегальных

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 15–23. Варианты.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 615. Л. 36–37. Дальневосточный краевой китайский театр. Либретто к пьесам «Мы еще вернемся».

¹⁹ Там же. Ед. хр. 672. Л. 42, 51, 53, 80, 109, 120, 125–127, 147–150.

²⁰ Анча Д.А., Мизь Н.Г. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории. Владивосток, 2015.

²¹ Семеновский рынок во Владивостоке — центр китайской торговли в 1920-х гг. Находился в районе «Семеновского ковша» (сейчас на этом месте стадион «Динамо»), названного в честь купца Якова Лазаревича Семенова — первого гражданского жителя города (Турмов Г.П., Хисамутдинов А.А. Владивосток. М., 2010).

²² Старшинка — название посредника при общении властей или работодателя с китайским мигрантом. Старшинка обеспечивал приезд трудового мигранта, его ра-

китайских банков, которые значительно уменьшают доходы рабочих; важность китайского клуба для рабочих, чтобы Советское государство могло донести свои идеи до китайских мигрантов.

М. Шкапская посещает Владивосток летом 1929 г. в разгар конфликта на КВЖД²³. В послесловии к изданию она пишет, каким застала город в это непростое время: «/.../ Владивосток — полукитайский город, а Хай-шен-вей — китайский квартал — настоящий уголок старого Китая. /.../ В темных копотных мастерских Дальзавода у станков точные ритмические движения русских и китайских рабочих ни на час не нарушили своих ритмов. Тащили рогульщики по городу свою кладь... На рейде китайские и русские виромайнальщики²⁴ цепкими пальцами дирижировали укладкой бревен... стояли очереди в китайской библиотеке... на детской площадке сосредоточенные молоденькие китаянки мыли грязные лапки крошечным питомцам... рыбники шелестели рыбой на берегу... доверчиво стучали кузнецы... китайские сапожники спокойно доканчивали крохотные туфельки с загнутыми концами... и даже там, на дне городской жизни, в притонах, на соломенных циновках, укрытые от взоров угрозыска — неисправимые морфинисты кололи свои дряблые животы тупыми грязными шприцами»²⁵.

Огромный дефицит человеческих ресурсов испытывал Дальний Восток конца 1920-х гг. «Краю не хватает²⁶ людей, он задыхается от безлюдья», «человеческий голод»²⁷ — так пишет М. Шкапская о главной проблеме развития региона. Китайские мигранты в это время становятся спасением: они занимают все свободные ниши в городе, особенно во Владивостоке. Китайцы на Дальнем Востоке СССР в 1929 г. в основном были сезонными рабочими, приезжали временно (или думали, что временно); в советское гражданство вступали неохотно, семьи большинства не привозило, надеялось заработать и уехать.

боту, жилье, питание. Бороться с подобным видом эксплуатации было чрезвычайно трудно, так как без такого посредника социальная организация мигрантов разрушалась.

²³ Конфликт на КВЖД 1929 г. — обострение отношений между Китаем и СССР, когда милитарист, фактический правитель Маньчжурии Чжан Сюэлян (张学良) захватил КВЖД. В ноябре Красная армия восстановила контроль над дорогой.

²⁴ Виромайнальщик — человек, регулирующий погрузку, от слов «вира» и «майна», которые являются профессиональными словами стропальщиков и крановщиков и означающие «поднимать» (досл. «поворачивать») и «опускать». (Прим. авт.)

²⁵ Шкапская М.М. Вода и ветер (Дальний Восток). М.; Л., 1931. С. 252.

²⁶ Орфография М.М. Шкапской.

²⁷ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 18, С. 11.

На советский Дальний Восток китайцы мигрировали преимущественно из северо-восточных регионов и провинции Шаньдун. Знания о различиях в китайских диалектах позволяют ей обратить внимание на проблемы коммуникации между рабочими, которые были из северных провинций, и партийных работников, которые были родом с китайского юга («китайский актив обычно с юга, а рабочие – северяне и плохо понимают друг друга»²⁸). По этой причине М. Шкапская отметила, что крайне важно было вырастить организаторов, понимающих северные диалекты.

Текучесть китайских работников и влияние этого явления на экономику Дальневосточного края отмечаются в архивных документах: «Китайский рабочий сравнительно легко снимается с одного предприятия и переходит на другое вследствие того, что он ничем другим не связан с определенным предприятием, кроме работы. Он одинок, с ним нет семьи. Обзавестись же семьей он лишен возможности, т.к. негде с нею поместиться»²⁹. М. Шкапская при помощи переводчика расспрашивает об условиях жизни в Китае, о причинах приезда в СССР. Голод, «смехотворные заработки», налоги, взятки и ростовщичество на родине, хорошие условия труда на советском Дальнем Востоке – такие причины миграции называют китайские рабочие³⁰. Выводы официальных документов совпадают с текстом очерка: «Иммиграция китайцев в Дальневосточный край вызывается преимущественно поисками заработков китайских беженцев, главным образом из Шаньдунской и других провинций, пораженных голодом и бедствием»³¹.

Во Владивостоке в конце 1920-х гг. продолжал существовать знаменитый китайский квартал «Милионка», который представлял особый интерес для посещающих Дальний Восток журналистов. М. Шкапская описала, как ей удавалось проникнуть в самые потаенные места китайского квартала: «Ритуал у нас всё тот же – тишина коридоров, тараканы шорохи, ходят вместе с нами какие-то запахи. Опять стук в заветную стенку, в которой заклеена и замаскирована дверь, опять петушиные слова и перед нами открываются новые норы. Иногда у нас что-то не ладится – кто-то грозит не пустить. Мгновенное замешательство; голоса, звучащие внушительнее и ниже, блеск стального зверка в руках одного из спутников, и снова всё уложено»³². Подробности того, как они

²⁸ Там же. С. 205.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 514. Оп.1. Ед. хр. 593. Л. 27.

³⁰ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 205.

³¹ РГАСПИ. Ф. 514. Оп.1. Ед. хр. 593. Л. 2.

³² Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 216–217.

проникали в китайский квартал, сохранились в воспоминаниях и других журналистов, которые приезжали на Дальний Восток. Например, об этом писала советская писательница Вера Кетлинская (1906–1976), побывавшая во Владивостоке в середине 1930-х гг., в биографическом романе «Здравствуй, молодость!» тоже описала это событие³³. В результате предпринятых усилий М. Шкапская оказывается в этом легендарном месте: «Мильонка — большой непроходной двор с проходными балкончиками в выходящих на него домах — подлинный Мюр и Мерилиз³⁴, ироническая аналогия социалистического дома: тут и баня, и торговля, морфиниловки и опиекурильни, жилье и театр. Круглые сутки в лавочках предприимчивые купцы под портретами Ленина продают пиво и пельмени, огромные апельсины и крохотные туфельки. Круглые сутки свистит китайский самовар, сигнализируя свою готовность, а острый запах незнакомых кушаний поднимается к висячим балконам»³⁵. Похожее описание китайского квартала оставил в своих воспоминаниях посетивший Владивосток в 1926 г. Рюрик Ивнев³⁶.

³³ «Было еще одно место, где побывать хотелось непременно, — Миллионка. Но как туда попасть? <...> — Миллионку снесут с лица земли, иначе ее не прикроешь, — сказал мой новый приятель Ваня Демчук, секретарь владивостокского комсомола. — Конечно, стоит поглядеть ее, пока она еще есть. Я достану тебе мужскую одежду, и пойдем. Когда я надела брюки клеш, тельняшку и куртку, а волосы забрала под сдвинутую набок кепку, в зеркале появился озорной мальчишка, юнга или рыбак, которому вполне подходило моряцкой походкой в развалочку побродить по загадочной Миллионке. Тут была доля авантюризма? Допускаю. Но писателю такая “доля” необходима не только смолоду, но и на склоне лет, если он хочет все видеть и все познать. Ведь не знаешь, когда что пригодится. <...> Итак, я была готова к походу в Миллионку. Но об этом как-то узнало начальство и подняло шум: писательницу?! Женщину?! Переодетой?! А если ее разоблачат и побьют, а то и убьют — кто ответит?! И, запретив мое переодевание, придали нам спутника — переодетого в штатское начальника отделения милиции... того самого района, где находилась Миллионка и где, конечно, и стар и мал знали его в лицо!.. <...> В общем, кое-что занятное я все же повидала и узнала, но как раздражали гортанные выкрики по ходу нашего передвижения! И кто знает, сколько интересного я не увидела!..» // Кетлинская В. Собрание сочинений. Т. 4. Л., 1980. С. 523–524.

³⁴ «Мюр и Мерилиз» — старое название современного ЦУМа в Москве. Название произошло от фамилий владельцев торговой марки шотландских коммерсантов Арчибалда Мерилиза и брата его жены Эндрю Мюра. После национализации магазина, который перешел Мосторгу, горожане продолжали именовать его привычным названием. (Прим. авт.)

³⁵ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 208.

³⁶ «Почти в самом центре Владивостока расположен китайский квартал, являющийся копией небольшого китайского города. Узкие улицы, переулочки, похожие на коридоры, закоулки и тупики напоминают вам о том, что вы находитесь в Азии. Тому, кто попал сюда впервые, кажется новым и необычным все: и неправильная планировка улиц, вернее, отсутствие всякой планировки, и нагроможденные почти

Миллионка — китайский квартал во Владивостоке. Конец 1920-х гг.
РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед. хр. 672. Л. 126.

Миллионка — исторически сложившийся «китайский квартал» Владивостока, в 1920-х гг. занимал уже довольно большой район города³⁷, где расцветал мир притонов, содержателями и посетителями которых были в основном китайцы: опиекурильни, банковки, морфиниловки, публичные дома и др. Описание притонов у М. Шкапской — это не только обличение этих мест, но и призыв к борьбе с такими учреждениями, как проявлениями эксплуатации приезжающих китайцев. Она описывает свой визит в игровой притон: «Голо и пусто в дощатых стенах. Убогий стол, керосиновая лампа, грязь и ни одного штриха для того, чтобы смягчить голые и жесткие черты азарта. Десятка два людей у стола. Это люди? Тело к телу, воспаленные глаза, а жизнь вся ушла в руки, которые

друг на друга дома, и длинные узкие балконы, и открытые окна, из которых несутся слова, жесты, шутки, пение, звон посуды, заунывные звуки китайских музыкальных инструментов, треск трещоток, запах пряных кушаний и т.д.» // Ибнэв Р. Жар прожитых лет. СПб., 2007. С. 345.

³⁷ Квартал «Большой Миллионки» в конце 1920-х гг. занимал дома от улицы Пекинской (современная Адмирала Фокина) на юге до улицы Последней (современная Уткинская) на севере и от Амурского залива до Алеутской.

листают длинные, узкие китайские карты со стилизованными лицами. Эти карты мы уже видели в музее угрозыска, но они были сухие и мертвые, а здесь живые и одержимые той же лихорадкой, которая из сухих ртов извлекает возгласы “оге”, или “хой”, сливающиеся в какой-то жадный гул — кажется, что он исходит из самых стен. Взять! Отнять! Твое сделать моим! Вот они основные пружины азарта»³⁸.

Насколько были популярны притоны во Владивостоке второй половины 20-х гг. XX в., можно судить по статистике. «Во Владивостокском округе в результате борьбы с притонами в 1927 г. было раскрыто притонов: азартных игр — 897, опиекурилен — 281, морфинилок — 41, кокаинилок — 3 и за первую половину 1928 г., раскрыто притонов: азартных игр — 644, опиекурилен — 232, морфинилок — 23 и кокаинилок — 3»³⁹. Арестованные притоносодержатели высыпались в Китай, но возвращались обратно и «под другими фамилиями и документами открыли вновь притоны опиекурения, морфинилок и азартных игр»⁴⁰.

Шкапская со спутниками также посещает опиекурильню и морфиниловку: «Первое, что поражает в них, — это примитив и схема. Если у персов ковры, у турок кальян, а у фарреровских⁴¹ китайцев сказочная роскошь, то у китайских грузчиков во Владивостоке — никакой экзотики, никаких аксессуаров, никаких Фарреров. /.../ Низкие потолки, грязные стены и нары, покрытые грязной циновкой, впитавшей в себя пот и сновидения нескольких поколений. Все прозаично и деловито: мягкие шаги внимательного джангуйды⁴², наблюдающего за порядком и очередью; ловкие движения боя, на маленьком столике готовящего смесь из муки с опиумом для будущих трубок; и терпеливые и ничего не выраждающие глаза китайцев, ждущих своей очереди — китаец, как никто, умеет терпеть и ждать»⁴³.

Наркомания — наследие предшествующих эпох — процветала в 1920–1930-х гг. на Дальнем Востоке. Советской власти не удается победить пристрастие китайцев к опиуму и другим видам наркотиков вплоть до принудительного исчезновения большого количества китай-

³⁸ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 213.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 7.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ М. Шкапская имеет в виду китайцев из романа французского писателя Клода Фаррера «Дым опиума» 1904 г. (Прим. авт.)

⁴² От кит. 掌柜的 (пиньинь — zhangguide) — хозяин, владелец лавки, старший приказчик. «Джангуйда — это мелкий хозяйствчик, содержатель мастерской или строительной артели. Эксплоатация рабочих джангуйдой носит зачастую еще более резкие формы, чем эксплоатация старшинкой» (РГАСПИ. Ф. 514. Оп.1. Ед. хр. 593. Л. 19).

⁴³ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 217.

ских мигрантов в регионе. Статистика конца 1920-х гг. говорит о том, что более 50% китайцев-рабочих поражены опиекурением⁴⁴.

Большинство социальных проблем китайских мигрантов на территории Дальнего Востока СССР М. Шкапская связывает с отсутствием прямого контакта с китайцами, наличем прослойки «старшинок-посредников» и их роли в жизни китайских мигрантов. Любое взаимодействие с китайским мигрантом происходит через другого китайца: «Он — подрядчик и переводчик; он — хранитель и хозяин расчетных книжек; он же — повар, банкир и всяческий благодетель своей артели, которая за эти благодеяния лишается добром половины заработка»⁴⁵. Сезонному рабочему, приехавшему на короткий период, не знающему русский язык, единственно возможным видится обустройство своей работы и жизни через посредника, бороться с ним советским властям крайне сложно, в том числе из-за мировоззрения мигрантов. «К нам приезжают китайцы с Севера, забитые и невежественные, веками отучаемые от протеста нищетой, опиумом и бесстрастием. Это они принесли с собой поговорку — “не ходи в суд — 9 буйволов не вытащат тебя оттуда; сохранив кошку — потеряешь корову”»⁴⁶, — пишет М. Шкапская в своих черновиках. «Без языка, без денег — куда ему пойти в чужой стране. А старшинка как паук растягивает сети: он оденет, накормит, даст приют и найдет работу. Он следит куда требуются рабочие, составляет артель и на работе продолжает руководить: объясняет, переводит»⁴⁷.

Процесс поиска работы и организации быта китайского мигранта описывают и другие архивные документы: «Только что прибывший из Шаньдуна темный китайский крестьянин, совершенно не знающий русского языка и советских порядков, раньше, чем попасть на работу, должен заручиться поддержкой старшинки. Про старшинку он слышал еще на родине, часто имеет к нему рекомендательные письма. Старшинка знает русский язык, знает великолепно рынок труда, находится в хороших отношениях с администрацией хозяйственных и промышленных предприятий и устроить обратившегося к нему китайца ему ничего не составляет»⁴⁸.

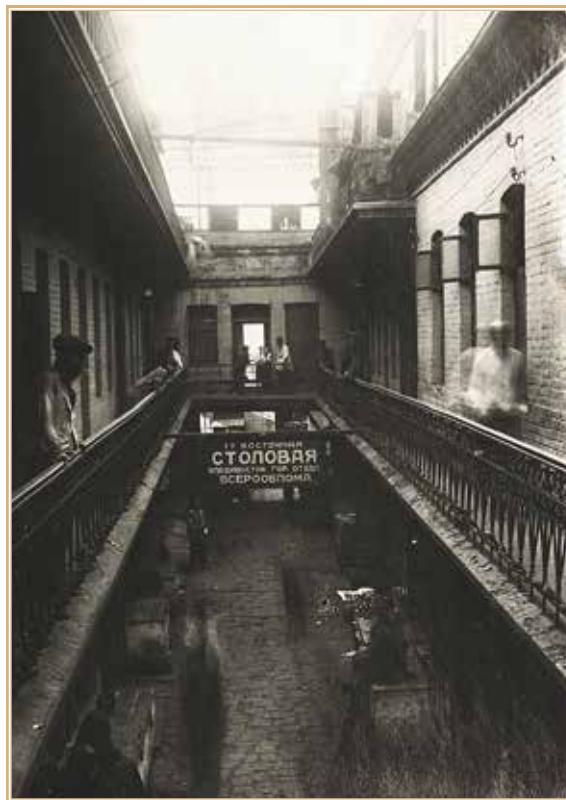
⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 514. Оп.1. Ед. хр. 593. Л. 18.

⁴⁵ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 201.

⁴⁶ М. Шкапская имеет в виду китайский чэньюй «争猫丢牛» — «погнаться за кошкой и упустить быка», что означает «погнавшись за малым, упустить большее» (из произведения писателя времен империи Цин Ли Люоаня «Фонарь на боковой улице»). (Прим. авт.)

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 9. (Сборник очерков Шкапской Марии Михайловны («Вода и ветер»). Отрывок. Машинопись.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 16.

Балконы во внутреннем дворе Миллионки.
РГАЛИ. Ф.2182. On.1. Ед. хр. 42

Одним из сложных факторов пребывания китайских мигрантов на Дальнем Востоке СССР был гендерный дисбаланс, соотношение мужчин и женщин составляло десять к одному. Это было связано с сезонностью пребывания китайцев на российской территории, а также с тяжестью работы, которую они исполняли. Так, согласно официальным данным статистики за 1929 г., во Владивостоке проживало 19,5 тыс. китайцев и 1,6 тыс. китаянок⁴⁹.

Обличая социальные проблемы китайских мигрантов, сопровождающий заводит М. Шкапскую в покой китайской проститутки. Визит в подобное место не планировался, но она и ее спутники вошли: «В эти секунды предстала перед нами внутренность ее комнаты. Она вполне соответствовала своему назначению — служить для профессиональных занятий горизонтальным ремеслом, как охарактеризовал когда-то Гейне подобную профессию. По размерам немного больше, чем кабинка

⁴⁹ Кулнич Н.Г. Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока России в 1920–1930 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. №4. С. 124.

на морских купаньях где-нибудь в Остенде⁵⁰, центральное место занято кроватью, единственной мебелью, если не считать кукольного столика и стула у входа — словом все так строго и деловито, что не хватает только надписи над кроватью: “Изложи свое дело и уходи”»⁵¹.

Кроме острых вопросов М. Шкапская раскрывает и тонкие аспекты социальной и бытовой организации китайцев на Дальнем Востоке Советского Союза, которые могли бы существенно изменить взаимодействие властей с ними. Регулирующими элементами жизни мигрантов должны были стать контроль над переводами денег на родину, улучшение жилищных условий, организация питания, учитывающего национальные особенности.

При описании жизни китайских мигрантов важное значение М. Шкапская уделяет кухне, отдельным продуктам и общественному питанию. Одно из первых мест, которые она со спутниками посещает, — «грязный, пахучий» китайский ресторан. «Бумажные перегородки, создающие иллюзии отдельных кабинетов, табуретки узкие и длинные как скамейки — а в открытые окна острый морской ветер с Золотого Рога»⁵² — так описывает очерк данное китайское заведение. Они пробуют: «универсальный суп» из курицы, краба, спаржи и медузы; жареную скобленую курицу; пикантный трепанго-строганов; жареные яблоки, обсыпанные льняным семенем; крупные местные креветки; соленую острую редьку; проросшие соевые бобы; лохмы морской капусты; теплое, крепкое китайское пиво; китайский чай в плоских пиалах⁵³.

Автор показывает глубокие знания особенностей китайской кухни и понимание важности национальной кухни для китайской бытовой культуры, возможности управления китайскими мигрантами через улучшение качества и доступности их питания. Несмотря на очевидную разницу во вкусовых предпочтениях китайских и советских рабочих, «китайских общественных столовых до сих пор почти не существует. Первая открылась на Эгершельде, из-за второй — на Чуркине⁵⁴ — ЦРК (Центральный рабочий кооператив) торговался полгода: ему ли гарантируют семьсот человек, или он сначала откроет столовую»⁵⁵. Нежелание

⁵⁰ Остенде — город в Бельгии на берегу Северного моря.

⁵¹ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 223.

⁵² Там же. С. 197.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Мыс Чуркин — железнодорожная станция Владивостокского отделения Дальневосточной железной дороги.

⁵⁵ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 203.

Внутренний двор Миллионки. На вывеске «Восточная столовая».

РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед. хр. 672. Л.147

открывать столовые для восточных рабочих ответственные мотивируют особенностями и трудностями «добычания специфических продуктов, хотя везде в городе китайские частные харчевки, с качающимися над ними медузами, и везде повара китайцы, и старшинки отлично ухитряются доставать всякую специфику, сдирая за нее последнюю оставшуюся на рабочем шкуру. /.../ Между тем общественное питание именно тот упор, с которого легче всего начать раскрепощение китайского рабочего, особенно если попутно урегулировать и жилищный вопрос»⁵⁶.

Решающую роль для организации китайских мигрантов и контроля за ними должна была сыграть организация общественного питания. К такому выводу приходит и комиссия в 1929 г.: «необходимо организовать общественное питание китайских рабочих через кооперацию. Нарпит, с устройством специальных столовых с китайскими кушаньями. При этом не нужно гнаться за доходом от этих предприятий, т.к. в этом случае едва ли столовые могут привлечь клиентуру из китайцев»⁵⁷.

Большинство китайских мигрантов находились на территории Советского Союза временно, были сезонными рабочими, считали, что они вернутся в Китай, даже если довольно долго находились на чужбине.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 13.

не. В 1929 г. «китайским рабочим разрешалось переводить на родину только 50% своего месячного заработка», однако такие меры «не могут дать должных результатов, поскольку имеются возможности китайских рабочих через нелегальные, конспиративные организации, отправляющие банковские переводческие функции /.../»⁵⁸.

М. Шкапская также пишет о существовании подпольных банков и важной регулирующей миграцию функции перевода денег в Китай: «И самая страшная из форм ростовщичества — это пересылка зарплаты семьи рабочего через нелегальные китайские банки и конторы. Работают они идеально — по телеграфу переводят деньги своему отделению в любой отдаленный район Китая с тем, чтобы там их выплатили такому-то гражданину, имя которого нам трудно даже выговорить, причем не только выплатят, но и передадут соответствующие случаю пожелания со всеми предлагающимися приседаниями. Да и как не приседать. Ведь деньги идут по курсу черной биржи, на чем клиент теряет, а банк соответственно выигрывает до шестисот процентов. Это самая тонкая и ужасная вещь. Существуют эти банки всюду, даже в Москве. Года два тому назад попался во Владивостоке один большой банк — у него оказались отделения во всех городах СССР и Китая»⁵⁹.

М. Шкапская не представляла Дальний Восток без китайцев, но также понимала, что условия, в которых они проживали, были очень страшные. Она обошла «целый ряд китайских квартир», сравнивая их с «дантовыми кругами»: «каждый рабочий имеет только место для сна — в первом, втором или даже третьем этаже нар — это как на пароходе в четвертом классе. Долго оставаться свежему человеку в этих человеческих норах невозможно, — входишь, и останавливается дыхание. Но они там спят, они там живут — все эти грузчики, строители, рогульщики. /.../ Тут никакой уют даже не теплится, нет даже столов и стульев — их заменяют фанерные ящики, а вместо чайных кружек — консервные банки. Нищета такая, что после того, как одного из рабочих обокрали — он выкинулся из четвертого этажа на мостовую, а украли у него два рубля пятьдесят копеек»⁶⁰. Только еще большее внимание к быту китайских рабочих, по мнению М. Шкапской, должно помочь наладить отношения между советской властью и мигрантами, сделать их пребывание на чужбине комфортным, решить многие социальные и криминальные проблемы.

⁵⁸ Там же. Л. 30.

⁵⁹ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 204–205.

⁶⁰ Там же. С. 202.

Китайская столовая. Владивосток.
РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед. хр. 672. Л.120

Похожие описания жилых помещений для китайских мигрантов остались и в архивных документах: «Комиссия посетила несколько китайских общежитий, в которых живут как рабочие, так и деклассированный элемент китайцев. Эти общежития производят потрясающую картину. Комната площадью в 6—7 кв. саж. и 1 ½ саж.⁶¹ в вышину, вмещает в себя 20 и больше человек. Обитатели устраиваются на нарах, которые построены в два этажа, лежат вплотную друг к другу. В этой же комнате помещаются котел для кипятка и кухня. Света мало. Летом в 5—6 часов дня приходится зажигать лампу. Воздух спертый и вонючий. Несколько минут пребывания в этой комнате вызывает головокружение»⁶².

Описания Марии Шкапской глубокие, с очень острым социальным подтекстом. Она пытается не только обозначить то или иное место и явление, но и дать ему оценку, найти пути решения проблем, благодаря пониманию их сущности. Так, например, Василий Каменский, в 1920-х гг. побывав в китайском театре во Владивостоке, пишет статью о театре⁶³, где восхищается его символизмом и эстетикой. Елизавета Кишкина⁶⁴, по-

⁶¹ Сажень — старорусская единица измерения, 2,16 м. Квадратная сажень — 4,55 кв.м. После введения метрической системы мер в 1924 г. в СССР не должна была быть использована.

⁶² РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 8.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 11497. Оп. 2. Ед. хр. 5. Каменский В.В. Китайский театр во Владивостоке.

⁶⁴ Елизавета Кишкина (李莎, Ли Ша) (1914–2015) — жена китайского политика и заместителя председателя Всекитайской федерации профсоюзов Ли Лисаня, с 1946 г. проживала в Китае, занималась преподаванием русского языка. С лета 1931 г. работала в краевом издательстве на Дальнем Востоке.

сетившая китайский театр во Владивостоке в 1932 г., тоже рассказывает лишь свои впечатления о необычном представлении⁶⁵. М. Шкапская же, кроме яркого и интересного описания китайского театра, говорит о нем как средстве агитации среди китайских мигрантов: «В театр попадаешь через ворота, где толпится торгующая публика. Внутри он похож на Монмартрский кабачок⁶⁶: резные коричневые хоры и за чайными столиками наверху и внизу зрители. И их с сотню человек. Они не неподвижны как в европейском театре — снование подающих щелканье орешков и легкий гул восклицаний создают своеобразный фон, на котором только и могут выделиться высокие пронзительные голоса артистов — ведь “мужчина должен петь как женщина, женщина как иголка”. На сцене ни декорации, ни мебели, их заменяет зато обилие звуковой обстановки. В треске и шуме оркестра не сразу улавливаешь ритмы — у него иное назначение: оттенять определенные моменты, насильственно вовлекая зрителя в действие»⁶⁷. Зрители у китайского театра тоже привлекают внимание М. Шкапской: «И на резных хорах и внизу за столиками, прихлебывая душистый чай, щелкая маньчжурские, крупные кедровые орешки и вытираясь в очередь летающим из угла в угол полотенцем — всем сердцем участвуют в апофеозе китайские зеленщики и пампушечники»⁶⁸. Новый китайский театр М. Шкапская называет профсоюзным, он «модернизирован на советский лад как в технике игры и в костюме, так и по содержанию»⁶⁹. Слом китайского традиционного театра на Дальнем Востоке СССР действительно происходит с начала 1930-х гг.: пьесы меняют свою тематику, «парчевые слова вместе с парчевыми костюмами»⁷⁰ сходят со сцены.

⁶⁵ «Довелось мне побывать и во Владивостокском китайском театре. Впервые я увидела на сцене исполнителей в роскошных, ярких костюмах, расшитых разноцветными шелками, серебряной и золотой нитью. Некоторые персонажи ходили на котурнах, отчего походка у них была какая-то странная, неестественная. /.../ Поразили ручки актрис с изящно оттопыренными пальчиками и семенящая плавная походка. Но их пронзительно звонкие голоса, как и фальцет исполнителей мужских ролей, резали слух. Музыкальное сопровождение, честно говоря, мне тоже не понравилось — оно воспринималось как какофония. Музыканты яростно колотили в барабаны, дудели в дудки, и это было похоже на шумовой оркестр, составленный из кухонной утвари — кастрюль, сковородок и прочего»// Киикина Е. Из России в Китай. Путь длиною в сто лет. М., 2018. С. 104.

⁶⁶ Здесь имеются в виду кабаре и другие заведения, открытые в начале XX в. в парижском районе Монмартр. (Прим. авт.)

⁶⁷ Шкапская М.М. Вода и ветер... С. 208.

⁶⁸ Там же. С. 210.

⁶⁹ Там же. С. 209.

⁷⁰ Там же. С. 210.

Особенное место для регулирования жизни мигрантов и воспитания китайского актива должны были занимать клубы для восточных рабочих, созданные на Дальнем Востоке СССР в середине 1920-х гг. Во Владивостоке это был Клуб «Первого Мая» китайских грузчиков и строителей «за Семеновским базаром, у самого берега бухты»⁷¹, который посещает М. Шкапская со своими спутниками. По ее свидетельству, членов клуба было свыше тысячи человек, которые посещали библиотеку, драмкружок, «война-кружок», «рубашка-кружок», учились играть в шахматы, осваивали азы грамотности.

Большинство китайских мигрантов, приезжающих в СССР, были неграмотны или малограмотны. М. Шкапская пишет о необходимости расширения работы пунктов ликбезов, в том числе и на зарождающемся в это время латинизированном алфавите⁷². Особое внимание, по ее мнению, нужно уделить воспитанию северного китайского актива, который будет выращен и обучен из простых рабочих, говорящих на северных диалектах, считая его одним из главных инструментов борьбы со старшинками-посредниками. Понимает, пишет автор и о важности обучения русских: «необходимо расширить и реорганизовать преподавание востоковедения и китайского языка»⁷³, так как отсутствие кадров, понимающих китайский, сильно затрудняет интеграцию китайских рабочих мигрантов в советское общество. Архивные документы вторят М. Шкапской: «Китайцев-рабочих, знающих русский язык, мало. Почти совершенно отсутствуют русские товарищи, знающие китайский язык. При этих условиях роль кадра руководящих работников в работе политического и культурного воспитания китайцев-рабочих огромна»⁷⁴. Согласно статистике, во Владивостокском округе, где находится до 15 тысяч восточных рабочих, 80 руководящих работников-восточников, среди них один русский, который знает китайский язык, и 51 китаец (остальные корейцы)⁷⁵.

М. Шкапская в своих текстах и заметках уделяет большое внимание особенностям китайского менталитета и культуры, но не касается их религиозных представлений, вероятно, как темы сложной для советского общества. Как было упомянуто выше, в ее архиве сохранились фотографии, которые она привезла из поездки на Дальний Восток СССР. В этой коллекции фотографий есть несколько экземпляров, на которых изо-

⁷¹ Там же. С. 206.

⁷² Там же. С. 207.

⁷³ Там же. С. 206.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 55.

⁷⁵ Там же.

Внутренняя молельная комната гунсо Цзайлицзяо.
РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед. хр. 672. Л. 149

бражены китайские мигранты, внутренний двор китайского квартала Миллионка, китайская столовая, притон морфинистов, игра в «китайские шахматы» на балконе Миллионки и др. Большая часть фотографий прекрасно иллюстрирует китайские картины очерка «Вода и ветер», за исключением фотографий, где изображены две комнаты китайского «религиозного объекта». На первой фотографии можно видеть множество надписей на китайском языке, которые представляют собой «парные надписи», обрамляющие дверной проем. Согласно китайской традиции, они читаются в следующей последовательности: первое панно справа, второе панно — слева, далее горизонтальная надпись. Справа от дверного проема написано: «Войдя во врата, искренне стремись к послушанию» («入道門真心求順»). Сверху — «В сердце хранится Земля Будды» («心存佛地») — призывает не забывать об основах веры. Надпись на занавеске, которая отделяет одну комнату от другой — «справедливость и строгость» («中正嚴肅»), означает исправление тела и ума, недопущение зла при входе в эту дверь. Данные словосочетания и предложения составлены из традиционных буддийских, конфуцианских и даосских философских представлений, которые говорят о принадлежности их авторов к синкретическим китайским религиям. На стене в рамочках висят две идентичные таблички «Чжуншаньтан гунсо» («眾善堂公所»), надпись на которых обозначает название этого места (гунсо). С большой долей вероятности эта табличка и наименование учреждения гунсо может говорить о том,

что это храм китайской синкretической религии Цзайлицзяо⁷⁶. Комната на второй фотографии может быть расположена после занавески, изображенной на первой фотографии. Здесь расположен алтарь, на котором в центре стоят фигурка Будды, бодхисатты Гуаньинь и божества Нэчжа⁷⁷, одновременное поклонение которым возможно в синкretической религии Цзайлицзяо. В задачу М. Шкапской не входило описание религиозной жизни китайских мигрантов, тем более понимание китайских народных религий, представители которых были среди китайских мигрантов, пришло к исследователям намного позже. Однако сохранение этих уникальных фотографий в ее архиве говорит о безусловном интересе автора очерка к различным аспектам жизни китайцев.

Советским властям на Дальнем Востоке китайские религиозные общины были известны под именем «общества китайских староцерковников», а также «группы верующих китайских старообрядцев» и, в целом, считались буддийскими организациями. В архивной справке есть следующее описание одной из общин: «Дун-Цзун-Шин-Тан (общество староверов-буддистов или восточно-китайское общество хороших людей) насчитывает во Владивостокском округе около 4.000 членов. Руководителями общества являются трое китайцев, утверждаемых Главным Правлением Дун-Цзун-Шин-Тана в Пекине и составляющих совет, в задачи которого входит руководство организациями в округе. Округ советом разбит на 5 районов, и во главе каждого района поставлен районный руководитель, в задачи которого входит руководство и инструктаж общин по селам и организация новых. В организации проведена четкая централизация, выражаясь в беспрекословном подчинении совету во Владивостоке. Организация насчитывает в округе 15 общин с молельнями, разбросанными по районам округа»⁷⁸. С большой долей вероятности в фонд М. Шкапской попали фотографии одной из молелен этой общины.

⁷⁶ «Цзайлицзяо (Учение о Пребывании в истине) — синкretическая религия, основанная в XVII в. шэньши Ян Лайжу (Ян Цзе). Последователи Цзайлицзяо поклоняются бодхисатве Гуаньинь, которую считают инкарнацией Уцзи чжи Шэнь (Божества Беспредельного). <...> Они проповедуют соблюдение норм конфуцианской этики, отказ от курения и употребления алкоголя. Цзайлицзяо была весьма распространена в Северном Китае в XIX в. и первой половине XX в. В настоящее время действует на Тайване, где называется Лицзяо (Учение Истины). Подробнее см.: Тертицкий К.М. Китайские синкretические религии в XX веке. М., 2000. С. 305.

⁷⁷ Нэчжа — божество, почитаемое в буддизме и даосизме, а также в китайских народных религиях.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 10.

Второй раз М. Шкапская ездила на Дальний Восток в 1936 г. для того, чтобы написать книгу о стахановцах, которая должна была стать одной из серии книг советских писателей о Дальнем Востоке Союза. В сборнике очерков «Человек работает хорошо» рассказов о китайцах почти нет, кроме описания китайца, занимающегося успешным выращиванием арбузов. «Райская долина между двумя сопками — все тепло и вся влага Приморья собирались в этой долине. На бахче по восемнадцать кило арбузы выхаживает худой, сухой китаец. Не арбуз — бочка. Из лаборатории к нему человека прикрепили изучать китайский секрет. А он смеется: “Моя секрет нет никакой. Моя ходи — смотри. Утро ходи — смотри. Обед ходи-смотри. Новый земля надо — новый земля хорошо. Семена сажай — бобовое масло мочи: боли-боли не будет, мышка кушай не будет. И опять ходи-смотри. Верху ходи-смотри. Низу ходи-смотри. Моя секрет никакой. Моя арбуза люби. Моя стахановска»⁷⁹.

Упоминает тут М. Шкапская и трагичные реалии приграничной жизни региона: «Приморье жило контрабандой, легким рублем. Надо подвести дом под крышу — неси ведро спирту с границы. Печьставить — иди опять... Грамм опия — сто рублей, десятина дает двадцать кило и никакого ухода — две лошади, двадцать метров проволоки, присеял весной площадочку в сопках, приходи осенью и коси. И самому трудиться незачем — китаец посеет, соберет и через границу пронесет. А за ним следят приморские казачки и — когда принес — убьют. Называлось это “стопорка” от слова “стоп”. Процветала “стопорка” открыто: “Теперь жить буду — фазана⁸⁰ шлепнул”, то есть китайца убил. Хвалились открыто — с “фазанов” все крыши цинковые ставили в Приморье⁸¹.

Книга издана в 1938 г., когда уже полным ходом шла депортация китайского населения с Дальнего Востока СССР через Центральную Азию в Западный Китай. Несмотря на то, что при подготовке к написанию этой серии очерков М. Шкапская посещала китайские места Владивостока (доказательством чему может служить сохранившееся в архиве либретто китайского ТРАМА), но в 1938 г. выделить большое место китайским труженикам в новой книге уже было невозможно. Про китайский квартал в новом очерке написано лишь несколько строк. «Круп-

⁷⁹ Шкапская М.М. Человек работает хорошо. (Дальний Восток) [Очерки о людях] Л., 1938. С. 243.

⁸⁰ «Фазан» — оскорбительное название китайского мигранта на Дальнем Востоке. Скорее всего произошло от одежды сборщиков женышена, которые носили белый фартук-передник. (Прим. авт.)

⁸¹ Шкапская М.М. Человек работает хорошо... С. 11.

Передняя комната гунсо Цзайлицзяо во Владивостоке.

РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед. хр. 672. Л. 51

нейшим рассадником шпионов» названа знаменитая китайская «Мильонка». На «Мильонке» теперь находились мирное заведение минеральных вод, столовая наркома и квартира стахановцев⁸².

В произведениях и документах Шкапской китайский мир Дальнего Востока Советского Союза разделяется на две части — китайскую традиционную, где существуют опиекурильни, проституция, азартные игры, труднодоступный китайский квартал, национальная еда, китайский театр, адепты китайских религий, старшинки-посредники и тот мир, который хочет взамен предложить мигрантам советское государство — клубы, столовые, профсоюзы, общежития, обучение новому китайскому алфавиту, новый театр и др. Для того, чтобы вторая часть этого мира — прозрачная и регулируемая, стала местом притяжения для нужных в этот момент советскому Дальнему Востоку китайских рабочих. Именно для этого Шкапская делает акцент на ярких описаниях проблем мигрантов, анализирует факторы, влияющие на их численность и управление внутренними процессами. Китайский мир Марии Михайловны Шкапской — иллюстрация истории пребывания китайцев на советской территории. Глубокий личный интерес автора к китайской культуре позволил ей создать подлинные свидетельства времени. Сопоставление текстов Шкапской с архивными документами позволяют говорить о достоверности восприятия жизни китайцев автором и использовать ее произведения и материалы из фонда в качестве исторического источника.

⁸² Там же. С. 244.

Список литературы / References

1. Ивнев Р. *Жар прожитых лет: Воспоминания, дневники, письма* (Подгот. текста, вступ. ст. Н.П. Леонтьева). СПб.: Искусство-СПб, 2007. 572 с.
[Ivnev R. *The heat of the past years: Memoirs, diaries, letters* (Prep., introd. by N.P. Leontiev]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb; 2007. 572 p. (in Russ.)]
2. Кетлинская В. *Собрание сочинений* (Вступ. ст. Г. Цуриковой). В 4 т. Т. 4. Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1978. [Ketlinskaya V. *Collected works* (Introd. by G. Tsurikova), in 4 vols. Vol. 4. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otstelenie; 1978 (in Russ.)]
3. Кишкина Е.П. *Из России в Китай – путь длиною в сто лет: Мемуары*. М.: Шанс, 2018. 583 с.
[Kishkina E.P. *From Russia to China – a hundred-year journey: Memoirs*. Moscow: Shans, 2018. 583 p. (in Russ.)]
4. Ковальская А.С. Характер пространства в книге очерков Марии Шкапской «Что было на самом деле». *Филологический аспект*. 2023;99(7):78–85.
[Koval'skaya A.S. The nature of space in Maria Shkapskaya's book of essays «It really happened». *Filologicheskiy aspekt*. 2023;99(7):78–85 (in Russ.)]
5. Кулинич Н.Г. Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока России в 1920–1930-е годы. *Проблемы Дальнего Востока*. 2006;(4):120–129.
[Kulinich N.G. The Chinese as part of the urban population of the Russian Far East in the 1920s and 1930s. *Problemy Dal 'nego Vostoka*. 2006;(4):120–129 (in Russ.)]
6. Литвинова О.Н. Китайская Гретхен на русской почве: Вопросы генезиса и атрибуции текстов поэтической книги М. Шкапской «Ца-ца-ца». *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика*. 2021;26(2):177–187.
[Litvinova O.N. Chinese Gretchen on Russian soil: Questions of genesis and attribution of texts of M. Shkapskaya's poetic book «Tsa-tsa-tsa». *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2021;26(2):177–187 (in Russ.)]
7. Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России: *Очерк истории российских корейцев*. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 464 с.

- [Pak B.D., Bugay N.F. *140 years in Russia: An essay on the history of Russian Koreans*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2004. 464 p. (in Russ.)]
8. Тертицкий К.М. *Китайские синкретические религии в XX веке*. М.: Восточная литература, РАН, 2000. 414 с.
[Tertitsky K.M. *Chinese syncretic religions in the 20th century*. Moscow: Vostochnaya literatura, RAS, 2000. 414 p. (in Russ.)]
9. Турмов Г.П., Хисамутдинов А.А. *Владивосток. Исторический путеводитель*. М.: Вече, 2010. 304 с.
[Turmov G.P., Khisamutdinov A.A. *Vladivostok. Historical guide*. Moscow: Veche, 2010. 304 p. (in Russ.)]
10. Шкапская М.М. *Вода и ветер (Дальний Восток)*: Очерки. М.–Л.: Огиз – Гос. изд-во художественной литературы, 1931. 252 с.
[Shkapskaya M.M. *Water and wind (Far East)*: Essays. Moscow; Leningrad: Ogiz – Gos. izd-vo khudozhestvennoy Literatury, 1931. 252 p. (in Russ.)]
11. Шкапская М. Человек работает хорошо (Дальний Восток): Очерки о людях (Пер. и рис. В.И. Лесючевского). Л.: Художественная литература, 1938. 246 с.
[Shkapskaya M. *A man works well (The Far East)*: Essays about people (Transl. and illustr. by V.I. Lesyuchevsky). Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1938. 246 p. (in Russ.)]
12. Шкапская М. *Ца-ца-ца: Рассказы в стихах*. Берлин: Манфред, 1923. 37 с.
[Shkapskaya M. *Tsa-tsa-tsa: Stories in verse*. Berlin: Manfred, 1923. 37 p. (in Russ.)]

❖ Маленкова Анастасия Андреевна ❖
Anastasia A. Malenkova

Старший преподаватель
кафедры истории Китая
Института стран Азии и Африки МГУ
имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация.
e-mail: a.malenkova@gmail.com

Senior Teacher at the Department
of the History of China, Institute
of Asian and African Studies at Moscow
Lomonosov State University, Moscow,
Russian Federation.
e-mail: a.malenkova@gmail.com